

С. Г. Скобелев, М. А. Рюмшин

*Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия*

*Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Акад. Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия*

sgskobelev@yandex.ru

ОСАДНЫЙ ЛАГЕРЬ АЛТЫН-ХАНА 1652 ГОДА НА ГОРЕ УНЮК (ПРАВЫЙ БЕРЕГ ЕНИСЕЯ)*

Юг Приенисейского края к началу XVII в. входил в состав северо-монгольского государства Алтын-ханов. С именем этих владык пока был связан лишь один археологический объект на данной территории – каменно-земляной вал на Енисее у речки Сизой. Однако в настоящее время есть основания полагать, что обнаружен второй подобный памятник – на горе Унюк, в устье р. Сыда – правого притока Енисея. Так, в сообщении 1652 г. красноярского воеводы М. Ф. Скрябина говорится, что Алтын-хан поссорился со своим племянником Мерген-тайшой, из-за чего тот был вынужден бежать. Но Алтын-хан последовал за ним и осадил его в «каменном городке» в устье Сыды. Действительно, здесь на горе Унюк имеется большая по площади крепость, состоящая, частично, из каменных стен, а также из системы рвов и земляных валов. В целях обороны был использован и глубокий овраг, составивший северную линию защиты крепости. Вероятно, это и есть «каменный городок», упомянутый М. Ф. Скрябиным. Но за оврагом нами было выявлено еще одно оборонительное сооружение в виде системы рвов и валов. В плане укрепление имеет форму неправильного прямоугольника. От окончаний западной оборонительной линии в направлении устья Сыды, т. е. на запад, следуют две прямые линии рвов и валов. На своих западных окончаниях они не соединены поперечной стеной. Вероятно, это выход к реке, защищенный с двух сторон – севера и юга. Об этом свидетельствует и наличие промежутка шириной около 3 м без рва и вала в западной стене укрепления, где могли находиться ворота. Для интерпретации назначения данного объекта следует обратиться к военному опыту маньчжуров, которые имели с монголами тесные контакты в военном деле. Как показывают маньчжурские письменные источники первой половины XVII в., так обычно устраивались укрепленные лагеря во время военных походов. Соответственно, изученный нами объект можно определить в качестве укрепленного лагеря Алтын-хана 1652 г., в котором находилось его войско во время осады крепости на г. Унюк, занятой Мерген-тайшой.

Ключевые слова: Приенисейский край, гора Унюк, крепость, Алтын-хан, осада, укрепленный лагерь, планировка.

Территория юга Приенисейского края известна наличием большого количества объектов фортификации, расположенных как на равнинах, так и в горах. Отдельные из них создавались и использовались еще с эпохи энеолита. В ряде документов русско-

го и западноевропейского происхождения, в том числе относящихся к позднему Средневековью и началу Нового времени, неоднократно отмечалось, что енисейские кыргызы в военное время в целях обороны занимали горные крепости [Алексеев, 1941. С. 394;

* Исследование проведено в рамках базовой части государственного задания в сфере научной деятельности (проект № 2718).

Бахрушин, 1955. С. 183; Сибирь..., 1996. С. 157]. Результаты раскопочного изучения некоторых из них [Кызласов, 1969; 1997; Готлиб, Подольский, 2008. С. 184] и сборы на площади крепости Хара-Таг (Чухонская), где поднята железная средневековая шпилька, также не противоречат данным сообщениям.

Кроме кыргызов, существовавшими укреплениями на территории региона пользовались и могли их подновлять и монголы. В частности, в Западно-Саянском каньоне Енисея, у устья речки Сизой, вероятно, Алтын-хан Лоуцзан (Лоджан) в 60-е гг. XVII в. подновил стоявший здесь еще со II в. до н. э. и отремонтированный в Средние века каменно-земляной вал длиной 255 м, известный в научной литературе с XVIII в. как «Омайтура» [Паллас, 1788. С. 544; Длужневская, 1989] или «Логонова осада» (от имени Алтын-хана Лоджана, или Лоуцзана) [Попов, 1873. С. 48]. С именем отца Лоуцзана – Алтын-хана Омбо-Эрдени, связано еще одно укрепление на Енисее – «каменный городок» в устье Сыды на территории современного Краснотуранского района Красноярского края.

Впервые эта крепость была упомянута в отписке красноярского воеводы М. Ф. Скрябина. Согласно его сообщению, в 1652 г. в Тубинскую землю Красноярского уезда с 700 «воинскими людьми», спасаясь из-за ссоры от Алтын-хана Омбо-Эрдени, прибыл его племянник Мерген-тайша; затем беглеца «со всеми людьми Алтын царь осадил на крепко в каменном городке ниже Сыды реки» (цит. по: [Бутанаев, 2007. С. 171]). И. Е. Фишер описал данное событие в несколько ином виде: «Мерген-тайша пришед с семью стами человек... расположился станом у старинной Татарской нагорной крепости стоявшей у Енисея несколько повыше устья реки Зиды» [1774. С. 512–513]. Но далее этот же автор сообщал, что своего племянника хан осадил в нагорной крепости [Там же. С. 513]. Г. Ф. Миллер в 1739 г., с целью изучения «древнего укрепления», непосредственно побывал на горе Унюк, расположенной, судя по его описанию 1735 г., «на восточной стороне Енисея, немного ниже устья реки Сиды» [Сибирь..., 1996. С. 57]. Исследователь отметил, что сооружение состоит «из двойных рвов и валов», при этом «внешний вал проведен примерно в 50 саженях восточнее» внутреннего «по прямой линии с вершины горы до ее подножия»

[Там же. С. 164–165]. Позднее отдельные авторы фактически повторяли версии и описания И. Э. Фишера (например, Н. И. Попов [1873. С. 47]) и Г. Ф. Миллера, добавляя лишь детали, в частности, относительно современной высоты валов [Готлиб, Подольский, 2008. С. 37].

Таким образом, в настоящее время имеются противоречия в указаниях мест пребывания войск Мерген-тайши в ходе конфликта, а также местоположения горы Унюк. Не проводилась идентификация с этими историческими событиями реально существующих сооружений оборонительного характера в устье Сыды. Поэтому важно внести определенность, по крайней мере, в проблему интерпретации ныне фиксируемых здесь объектов фортификации, что и является целью настоящего исследования, а также объясняет его научную актуальность. Задачи работы – выявление, интерпретация и предварительное историко-культурное определение каменно-земляных сооружений фортификационного характера на горе Унюк.

Так, вероятно, И. Е. Фишер не совсем верно пересказал сообщения XVII в. Имеющиеся в нашем распоряжении документы того времени в действительности не упоминают о стане Мерген-тайши, но говорят лишь об осаде войском Алтын-хана занятой тайшой крепости («каменного городка»). Вместе с тем этот автор, как и некоторые иные позднее, правильно указал место расположения объекта – выше устья правого притока Енисея р. Сыда. В частности, нами в 2010 г. проводился осмотр местности по обоим берегам современного Сыдинского залива Красноярского водохранилища, который не показал наличия каких-либо фортификационных сооружений на северном берегу, т. е. ниже по течению Енисея от устья Сыды. Но затем в 2014 г. от начальника Отдела управления строительством, архитектуры, коммунального и дорожного хозяйства, энергетики, связи, транспорта Краснотуранского района Н. А. Рябова была получена информация об известных местным краеведам сильно заплывших рве и вале на восточных склонах горы Синея на правом берегу Сыдинского залива, т. е. ниже по Енисею от устья Сыды. Эти сооружения нами были осмотрены. В результате установлено, что здесь имеются незначительные, плохо заметные визуально остатки укрепления со слабо выраженными участ-

Рис. 2 (фото). Западная оконечность южной линии дополнительного оборонительного сооружения (снято с В): 1 – ров; 2 – вал

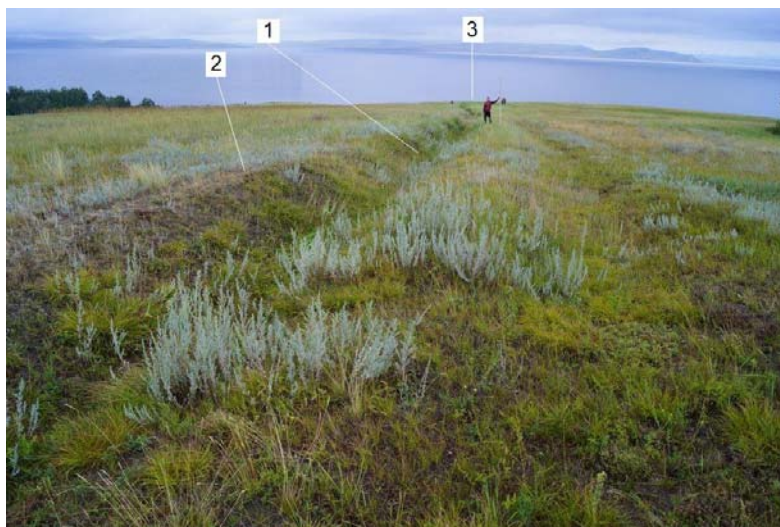

Рис. 3 (фото). Северная линия дополнительного оборонительного сооружения: 1 – ров; 2 – вал; 3 – курган тагарской культуры (снято с В)

здесь стояли какие-то деревянные конструкции) либо только земляной вал без рва. Почти весь северный участок обороны крепости представлен фактически южным краем глубокого оврага, по кромке которого вырыт ров глубиной до 1 м и насыпан участками слабо фиксируемый земляной вал. Кроме того, в северо-западной части крепости имеется обозначенное четкими линиями рва и вала (современной высотой более 1 м) внутреннее укрепление (рис. 1, 3), условно названное нами «цитаделью» (ее северо-восточный угол сильно разрушен, а северо-восточная часть двора попала в обрыв берега водохранилища).

В настоящее время невозможно установить исходную точку на «внутреннем валу», от которой Г. Ф. Миллер определял расстояние на восток в сторону «внешнего вала». Вместе с тем, учитывая его сообщение относительно расположения внешнего вала (в 50 саженях к востоку от «внутреннего»), нами была осмотрена местность в данном направлении по всей протяженности визуально фиксируемых стен, рвов и валов крепости. В результате, к востоку-северо-востоку от линии южной части «внутренних» рва и вала действительно зафиксированы участки рва и сопутствующего ему вала, тянущиеся почти по прямой линии по

склону горы в общем направлении северо-запад – юго-восток (рис. 1, 4а). В своей южной части это сооружение, несколько не достигающее до крутого обрывистого гребня горы, представляет собой обычного вида, но сильно оплывшие ров и земляной вал, а выше (до гребня горы) – неуверенно фиксируемые остатки, видимо, каменной стены (по причине слабой фиксации данный участок на план временно не наносился – требуется их более детальная фиксация), аналогичной такой же стене «внутреннего вала». В средней же части, на более пологой местности, ров и вал были явно запаханы несколько лет назад, однако до настоящего времени здесь визуальное прослеживается почти прямая узкая линия легкого понижения поверхности склона, продолжающая сохранившийся их участок (рис. 1, 4б). Недалеко от одного из оврагов в нижней части горы (ближайшего к оврагу, включенному во внутреннюю линию обороны), она вновь перетекает в сохранившийся участок рва и вала, а затем ров обрывается в верхней части этого оврага – природного образования (рис. 1, 4в), использовавшегося как препятствие естественного характера. Судя по сохранившимся слабым остаткам, вал был насыпан вдоль рва со стороны внутренней линии укрепления, т. е. защищалась площадь горы к юго-западу от него. Несомненно, все это и есть остатки упомянутого «внешнего вала». Реально от «внутреннего вала» (криволинейного) он расположен на удалении от 400 в южной части до 70 м в месте перехода в овраг; ниже по склону горы этот овраг соединяется с оврагом, по краю которого проходят внутренние ров и вал.

Однако нами к северу-северо-востоку от участка «внутреннего вала», проходящего по южному краю оврага, сразу же за ним, были обнаружены и зафиксированы никем не упоминаемые остатки еще одного оборонительного сооружения, которое явно не входит в комплекс сооружений основной крепости. Они расположены на том же западном склоне горы Унюк, но близко к берегу Красноярского водохранилища (соответственно, ранее – к устью р. Сыда), на значительном удалении в северо-западном направлении от окончания «внешнего вала». Размещены на плавно снижающейся поверхности обширного и достаточно ровного поля, одного из самых больших из числа

имеющихся на горе. Верхняя, т. е. восточная часть поля, более покатая, так как ближе расположена к гребню горы. Нижняя часть более ровная – фактически это горизонтальная поверхность (перепад высот на каждые 100 м протяженности составляет, в среднем, около 8,5 м). С южной стороны поле ограничено длинным и глубоким оврагом, по противоположному краю которого проходит указанная выше линия рва и вала основной крепости. На поле расположен могильник, по особенностям конструкций курганов датируемый, вероятно, саргашенским этапом тагарской культуры (IV–III вв. до н. э.).

По ряду признаков видно, что площадь поля распаивалась еще несколько лет назад. Тем не менее вместе с курганами эпохи раннего железа в нижней части поля сохранились и крупные участки сооружения явно фортификационного характера (рис. 1, 5–6). Это заметно оплывшие рвы современной глубиной 0,5–1 и валы высотой 0,4–1,2 м. Они составляют две условно параллельные линии – южную (рис. 2) и северную (рис. 3), расположенные в общем направлении запад – восток (южная линия с заметным отклонением к северу), соединенные ближе к реке поперечной линией аналогичных рва и вала (рис. 4). Таким образом, здесь имеется не один «внешний вал», а две ограниченные с трех сторон рвами и валами оборонительные системы, в настоящее время открытые к востоку (в сторону гребня горы) и к западу (к бывшему устью Сыды). Линии северного (общая длина до обрыва берега Красноярского водохранилища составляет 530 м) и западного валов и рва (144 м) практически прямые. Линия южного рва и вала со стороны реки также прямая, но далее на восток она искривляется, поскольку следует изгибу края оврага, который явно использовался в качестве естественного препятствия (ее общая длина более 640 м). При этом и здесь на ряде участков по краю оврага вырыт ров, который фактически находится в месте перехода от поверхности поля к крутому склону оврага (рис. 5), а также насыпан вал (рис. 6). Такая практика характерна и для основной, расположенной за оврагом, крепости.

Валы относительно рвов, в том числе у края оврага, расположены таким образом, что везде они находятся изнутри от рвов. Это означает, что оборонялась площадь внутри обозначенных линий рвов и валов.

Рис. 4 (фото). Западная линия дополнительного оборонительного сооружения:
1 – ров; 2 – вал (снято с ССЗ)

Рис. 5 (фото). Ров южной линии дополнительного оборонительного сооружения,
проходящий вдоль края оврага (снято с ЗСЗ)

Но такая оборона была бы возможна, если существовало еще по одной линии рва и вала, замыкающих внутреннее пространство с востока и запада. В настоящее время, к сожалению, рельефно они никак не прослеживаются. Лишь от восточного окончания южных рва и вала к такому же окончанию северных рва и вала, расположенных приблизительно друг напротив друга, следует почти по прямой линии в северном направлении полоса растительности шириной около 1 м, заметно отличающаяся по цвету и составу от произрастающей вокруг (см. рис. 1, б). Цвет почвы по этой линии также

имеет более насыщенный сиреневый оттенок; отмечается по ней и легкое понижение поверхности, хотя борозды пахоты идут поперек. Возможно, это засыпанный при распашке поля восточный ров оборонительного сооружения (не исключено также, что здесь могли стоять только деревянные оборонительные конструкции). Таким образом, первоначально укрепление могло быть полностью замкнутым, имея три почти прямые линии рвов и валов (западную, северную и, вероятно, восточную) и одну кривую (южную), повторявшую изгибы края оврага (см. рис. 1, 5–6).

Относительно площади снаружи от западной линии обороны, т. е. обращенной в сторону Сыды, можно уверенно отметить отсутствие здесь подобной ситуации с возможным разрушением оборонительных сооружений. Это объясняется тем, что у западных окончаний северной и южной линий рвов и валов из-за близости берега реки распашка не производилась и здесь хорошо фиксируется отсутствие второй (замыкающей) поперечной линии рва и вала. Так, северная линия рва и вала в сторону реки обрывается современным берегом водохранилища, но южная линия до обрыва даже не доходит. Это означает, что с западной стороны проход в восточном направлении был открыт вплоть до замкнутой, т. е. постоянно обороняемой, площади. Можно лишь предположить, что назначение этих двух линий рвов и валов, не замкнутых с запада – обеспечение защищенного выхода к реке, необходимого для водоснабжения и водопоя лошадей и скота. Действительно, приблизительно в средней части западной оборонительной линии имеется промежуток без рва и вала шириной около 3 м. Вероятно, это и есть место расположения выхода (ворот) к Сыде из основной части укрепления.

По словам местных жителей, рвы и валы здесь существуют столько, сколько они себя помнят. Но окопами времен Гражданской войны эти сооружения не могут быть по ряду причин. Так, их «брустверы», т. е. валы, по сохранившемуся периметру находились бы в таком случае везде позади обороняю-

щихся, что недопустимо при использовании огнестрельного оружия. Кроме того, они находятся на обратном склоне возвышенности и не могут обеспечить эффективный обстрел северного сектора, откуда и мог преимущественно наступать враг. Известно также, что бои Гражданской войны на данной территории проходили зимой 1919–1920 гг., отличались кратковременностью и незначительным количеством участников, поэтому в такой ситуации подобные масштабные земляные работы проводиться не могли. Нижняя хронологическая граница сооружений определяется тем, что на одном из участков северная оборонительная линия пересекает площадь кургана тагарской культуры – вдоль южной части оградки, вплотную к ней. В результате во рву хорошо видна вертикально стоящая крупная плита девонского песчаника – элемент оградки кургана. Далее за курганом оборонительная линия тянется в основном по прямой, но имеет легкое отклонение к югу вблизи от второго кургана тагарской культуры. Насыпь этого кургана линия уже не пересекает и проходит снаружи, к югу от его оградки – для этого и было выполнено упомянутое отклонение. Через 60 м после второго кургана линия слегка отворачивает к северу, восстанавливая прежнее направление. Факты обнажения части каменной оградки тагарского кургана и уклонения от другого в ходе рытья рва и вала свидетельствуют о том, что это оборонительное сооружение не может датироваться временем ранее III в. до н. э.

Рис. 6 (фото). Вал южной линии дополнительного оборонительного сооружения, проходящий вдоль края оврага (снято с С)

В данной ситуации уместно упомянуть, что Н. И. Попов, исходя из факта использования крепости на горе Унюк в середине XVII в., предполагал, что ее происхождение следует относить к XVI – началу XVII в. [1873. С. 47].

Имеющиеся остатки рвов и валов к северу-северо-востоку от основной крепости позволяют сделать вывод, что данное оборонительное сооружение представляет собой дополнительный и самостоятельный объект фортификации подпрямоугольной в плане формы (с кривой линией южной стороны) и защищенным выходом к р. Сыда. Вполне вероятно, что это и есть укрепленный лагерь Алтын-хана 1652 г., который «осадил накрепко» Мерген-тайшу, занимавшего основную крепость на той же горе. Расстояние между близлежащими оборонительными линиями обоих укреплений, выходящими к одному оврагу и своими рвами обращенными друг к другу, т. е. противостоящими – около 40–50 м, что составляет полет стрелы. Овраг имеет глубину до 15 м и крутые края. Расположение осадного лагеря в таких условиях вполне логично.

Подобный укрепленный лагерь (осадный стан) нельзя считать чем-то необычным для монголов позднего Средневековья и начала Нового времени. Известно, что маньчжуры, с которыми они имели тесные контакты в военном деле, в первой половине XVII в. широко применяли практику создания укрепленных лагерей: «Когда отправляются на войну [или] облавную охоту, то зимней ночью в месте ночлега [некоторую площадь] огораживают частоколом, а летом [вокруг нее] выкапывают канаву. Внутри того [места защищенного] частоколом [или] канавой, пускают пастись лошадей... беглецы не убегают и кони не выходят. Поэтому на следующее утро, не утруждая себя поисками, сразу могут отправляться в путь» [Маньчжурь..., 2013. С. 36]. Известны «шанцы» казахского султана Джангира в Джунгарском Алатау, созданные им в 1644 г. [Левшин, 1996. С. 162]. Укрепленные лагеря устраивали енисейские кыргызы – так, в том же 1652 г. кыргызы, спасаясь от Алтын-хана, перешли на речку Еник и устроили здесь засеку, «сколько возможно себя огорода, шанцами окопались» [Фишер, 1774. С. 513–514].

Таким образом, сопоставив сообщения письменных источников и реальные факты

археологии, сделаем ряд выводов. Во-первых, имевшиеся указания на расположение горы Унюк, и соответственно укреплений на ней, на Енисее ниже устья Сыды являются ошибочными – реально гора расположена выше устья. Во-вторых, собственно «каменным городком» крепость на Унюке назвать нельзя – ее каменные стены составляли лишь незначительные участки оборонительных линий, представленных, главным образом, земляными валами. В-третьих, у основной крепости, наряду с так называемым внешним валом, к северу-северо-востоку от ее рва, проходящего по краю оврага, в 40–50 и в 260–270 м соответственно, находятся рвы и валы дополнительного отдельного сооружения, интерпретируемые нами как осадный лагерь Алтын-хана 1652 г. и в настоящее время частично разрушенные (распаханные). В-четвертых, прием рытья рва и формирование вала по краю оврага как на одном, так и на другом оборонительном объекте косвенно свидетельствуют о одновременности создания данных участков сооружений (либо о подновлении Мерген-тайшой в том же году оборонительных элементов основной крепости).

В результате допустимо заявить, что, кроме «Логиновой осады» (в настоящее время памятник уже не существует), на Енисее имеется еще один реальный археологический объект, сооружение которого связано с отраженным в источнике XVII в. историческим событием и именем Алтын-хана (в данном случае косвенно, также именем его племянника – Мерген-тайши). Тем самым обеспечивается решение актуальных научных задач, определяемых необходимостью поиска, выявления, датировки и историко-культурной интерпретации конкретных археологических памятников, что в настоящей ситуации было выполнено даже на уровне их персонификации.

Список литературы

Алексеев М. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей XIII–XVII вв. Иркутск: ОГИЗ, Иркут. обл. изд-во, 1941. 677 с.

Бахрушин С. В. Енисейские киргизы в XVII в. // Бахрушин С. В. Научные труды. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. 3: Избранные работы по истории Сибири XVI–XVII вв.

Ч. 2: История народов Сибири в XVI–XVII вв. С. 176–224.

Бутанаев В. Я. История вхождения Хакасии (Хонгорая) в состав России. Абакан: Изд-во ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 2007. 296 с.

Готлиб А. И., Подольский М. Л. Све – горные сооружения Минусинской котловины. СПб.: Хакасская археологическая экспедиция, 2008. 222 с.

Длужневская Г. В. Крепость Омайтура в Саянском каньоне Енисея (по материалам работ 1980–1982 гг.) // КСИА. 1989. Вып. 196. С. 93–98.

Кызласов И. Л. Изучение Оглахтинской крепости // АО 1996 г. М.: Наука, 1997. С. 334–336.

Кызласов Л. Р. Древние крепости Хакасии // АО 1968 г. М.: Наука, 1969. С. 244–246.

Левшин А. И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Алматы: Санат, 1996. 656 с.

Маньвэнь Лао Дан: Старый архив на маньчжурском языке. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. 276 с.

Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. СПб.: При Императорской Академии наук, 1788. Ч. 3. Половина 1-я 1772 и 1773 годов. 624 с.

Попов Н. И. О чудских городках и чудских копиях в Минусинском крае. (Читано в заседании Сибирского отдела Императорского русского географического общества 6 ноября 1872 г.) // ИВСОИРГО. Иркутск, 1873. Т. 4, № 1. С. 42–49.

Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г. Ф. Миллера. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1996. 310 с. (Сер. «История Сибири. Первоисточники»; вып. 6).

Фишер И. Е. Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием. СПб.: При Императорской Академии наук, 1774. 631 с.

Материал поступил в редколлегию 12.02.2015

S. G. Skobelev, M. A. Ryumshin

*Novosibirsk State University
2 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

*Institute of Archaeology and Ethnography of SB RAS
17 Lavrent'ev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

sgskobelev@yandex.ru

FORTIFIED CAMP ALTYN-KHAN ON THE HILL UNYUK (RIGHT BANK OF YENISEI, 1652)

Purpose. To identify the origins and destination of a large archaeological site of a defensive character, located on Hill Unyuk, near the estuary of the river Syda.

Results. South Yenisei to the top edge of the Russian exploration of Siberia was part of the North-Mongolian state Altyn-khans. The name of these rulers was connected until only one archaeological site in the area. They are the largest fortification – stone-earthen wall on the right bank of the Yenisei River near estuary Sizaya-river. Currently, however, there is reason to believe that the detected second such object. This is fortified camp Altyn-khan. It is located north of the fortress on the hill Unyuk, near estuary Syda (right tributary of the Yenisei). The report Krasnoyarsk governors M. F. Scryabin, dated 1652, states that the Altyn-khan quarreled with his nephew Mergen-taisha, who was forced to flee to the land Tuba (Krasnoyarsk district). But Altyn Khan followed him and pulled nephew in the «stone town» in the estuary Syda. Indeed, here on hill Unyuk there are a large fortress, consisting partly of stone walls, as well as the system of ditches and embankments. For defense was used and a deep ravine, as the northern line of protection of the fortress. Probably, this is the «stone town», said M. F. Scryabin. On the opposite side of the ravine is a plateau of the western slope of the mountain. Here we found another fortification. It consists of a system of ditches and ramparts, with the excavated trench on the edge of the ravine. Strengthening has the shape of an irregular rectangle. This is due to the fact that it follows the contours of the southern line of the edge of the ravine (a total length of over 640 meters). From both ends of the west defensive line towards

the river Syda, that is to the west, followed two straight parallel lines similar ditches and ramparts. But on its western endings are not connected with the transverse wall. This is probably way out of the fortress to the river, protected on both sides (north and south). Accordingly, in the west line of strengthening there are a gap without the ditch and rampart. Its width is about 3 meters. Here could be the gate for the passage of people and horses to water. To interpret the origin and destination of the object should refer to the military experience of the Manchus, who had a close and many contacts with the Mongols in military affairs. Results of the study Manchu written sources first half of XVII century show that usually arranged so fortified camps during the military campaigns.

Conclusion. This object is very similar to the description of the same facilities used by the Manchus. Therefore, it can be defined as a fortified camp Altyn-khan, which was his army during the siege of the fortress in 1652 on Mount Unyuk, defending Mergen-taisha.

Keywords: Yenisei region, Unyuk mountain fortress, Altyn Khan, siege, fortified camp, layout.

References

Alekseev M. P. *Sibir' v izvestiyakh zapadnoevropeiskikh puteshestvennikov i pisatelei XIII–XVII vv.* [Messages Western European travelers and writers XIII–XVII centuries of Siberia]. Irkutsk, OGIz, Irkutskoe obl. izd-vo Publ., 1941, 677 p. (in Russ.)

Bakhrushin S. V. Eniseiskie kirgizy v XVII v. [Yenisei Kirghiz in the XVII century]. *Nauchnye trudy [Proceedings]*. Moscow, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1955, T. 3. Izbrannye raboty po istorii Sibiri XVI–XVII vv. Ch. 2. Istoriya narodov Sibiri v XVI–XVII vv. p. 209–224. (in Russ.)

Butanaev V. Ya. *Istoriya vkhazheniya Khakasii (Khongoraya) v sostav Rossii [History entry Khakassia (Hongorai) to Russia]*. Abakan, Izd-vo Khakasskogo gos. un-ta im. N. F. Katanova Publ., 2007, 296 p. (in Russ.)

Gotlib A. I., Podol'skii M. L. *Sve – gornye sooruzheniya Minusinskoi kotloviny [Sve – the mountain structures Minusinsk Basin]*. St.-Petersburg, Khakasskaya arkheologicheskaya ekspeditsiya Publ., 2008, 222 p. (in Russ.)

Dluzhnevskaya G. V. *Krepost' Omaitura v Sayanskom kan'one Eniseya (po materialam rabot 1980–1982 gg.) [Fortress Omaitura in Sayan canyon Yenisei (based on the papers from 1980–1982)]*. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii [Brief reports of the Institute of archaeology]*, 1989, iss. 196, p. 93–98. (in Russ.)

Kyzlasov I. L. *Izuchenie Oglakhtinskoi kreposti [Study Oglakhtinskaya fortress]*. *Arkheologicheskie otkrytiya 1996 g. [Archaeological discoveries in 1996]*. Moscow, Nauka, 1997, p. 334–336. (in Russ.)

Kyzlasov L. R. *Drevnie kreposti Khakasii [Ancient fortress of Khakassia]*. *Arkheologicheskie otkrytiya 1968 g. [Archaeological discoveries in 1968]*. Moscow, Nauka, 1969, p. 244–246. (in Russ.)

Levshin A. I. *Opisanie kirgiz-kazach'ikh, ili kirgiz-kaisatskikh, ord i stepei [Description Kirghiz Cossack, or Kirghiz Kaisak, hordes and steppes]*. Almaty, «Sanat» Publ., 1996, 656 p. (in Russ.)

Man'ven Lao Dan: Staryi arkhiv na man'chzhurskom yazyke [Manven Lao Dan: Old archive Manchu language]. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2013, 276 p. (in Russ.)

Pallas P. S. *Puteshestvie po raznym provintsiyam Rossiiskogo gosudarstva [Travel to different provinces of the Russian state]*. St.-Petersburg, Pri Imperatorskoi Akademii nauk Publ., 1788, ch. 3. polovina 1-ya. 1772 i 1773 godov, 624 p. (in Russ.)

Popov N. I. *O chudskikh gorodkakh i chudskikh kopyakh v Minusinskom krae. (Chitano v zasedanii Sibirskogo otdela Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva 6 noyabrya 1872 g.) [About Chud' towns and Chud' mines in Minusinsk region. (Read at the meeting of the Siberian Department of the Imperial Russian Geographical Society, November 6, 1872)]*. *IVSOIRGO [Proceedings of the East-Siberian Department of the Imperial Russian Geographical Society]*. Irkutsk, 1873, vol. 4, no 1, p. 42–49. (in Russ.)

Sibir' XVIII veka v putevykh opisaniyakh G. F. Millera [Siberia of the XVIII century in the travel descriptions of G. F. Miller]. Novosibirsk, Sibirskii khronograf Publ., 1996, 310 p. (Ser. «Istoriya Sibiri. Pervoistochniki») (in Russ.)

Fisher I. E. *Sibirskaya Istoriya s samogo otkrytiya Sibiri do zavoevaniya sei zemli rossiiskim oruzhiem [Siberian history since the opening of Siberia to the conquest of the land of Russian weapons]*. St.-Petersburg, Pri Imperatorskoi Akademii nauk Publ., 1774, 631 p. (in Russ.)